

АЛЕКСАНДРУ СОЛЖЕНИЦЫНУ — 80!

Не в скорые дни писать бы о Александре Исаевиче Солженицыне и не с теми пропусками, что вынужденно делаются по газетному жанру, а неспешно полистать его книги, перебрать публистику и обильно цитировать мысли, идеи, предложения. Но по скжатости времени, по всеобщей толкотне и раздробленности наших состояний сказать бы то немногое, что давным-давно отстоялось в убеждении от прежних прочтений и последних, нынешних: «Россия в обвале», «Угодило зернышко промеж двух жерновов».

Говорить о каждой книге писателя, статье, романе — дело более специальное и долгое, но и в отдельности, без этого полного круга, не понять ни сути, ни принципов его творчества, ни того подвига, что совершен и вершился поныне в пределах человеческой жизни. Многих и многих наших классиков узнаешь по выбранной однажды теме, способе подачи героев и других специфических деталей, творчество же Александра Исаевича настолько многообразно и разнообразно, что всякий роман, рассказ, статья удивляют разностою и незнакомостью открываемого. В те далекие семидесятые годы, когда жарко спорили, хвалили и хулили написанное им, один из западных исследователей на полном серьезе заявил: писателя А.И.Солженицына не существует, потому что одному человеку невозможно быть специалистом в области медицины («Раковый корпус»), знать до доньки деревенскую жизнь («Матренин двор»), быть военным специалистом («Красное колесо»), исследовать всю лагерную систему страны («Архипелаг ГУЛАГ»), писать пьесы. Все написанное — дело рук группы, взявшей себе псевдоним «А.И.Солженицын». Странно, но улыбки «открытие» того критика не вызывает. Отойдя от книжной полки, смотришь на тесно составленные тома и в который раз поражаешься объему созданного. Не с черновиками и личной перепиской собрание, а очищенные, выверенные, отлаженные, многажды продуманные труды. Труды Духа.

К писательству Александр Исаевич и подходит как к труду, тщательно взвешивая, отбирая, притесывая слова, чтобы точно вывести ту чистую «срединную линию», какая только и имеет истинную ценность. Не перекачнется, не сфашишь. Степень ответственности, налагаемая им на свою работу, может показаться чрезмерной. Кому придет в голову биться с редакторами, рецензентами и просто читателями за каждое слово, взятое из языка народа? Чего не уступить? Подумаешь, поменяли на гладкое, привычное! А.И.Солженицын же бьется и доказывает правомерность его употребления, а выходит, отстаивает наше право — говорить своим колоритным языком. И возвращает утерянное. Целый словарь составил!

Сколько же толков было после статьи «Как нам обустроить Россию?». Многие и не дошли — языки непонятные. Иные уверяли: «Никогда не смогу говорить "обустроить"». Но вошло в повседневную речь, вернулось, зажило полноценно в нашем языке. Теперь поди попробуй обойтись без него. Целый синонимический ряд к нему выстроишь, а не заменишь — емкое. Слишком хорошо понимает Александр Исаевич, что с уплощением языка беднеет мыслью, душой и сам народ, постепенно умирает, перерождается, а народы — «неповторимая грань замысла Божьего». Помню, перекатывал и перекатывал, укладывал в себе язык Ивана Денисовича и не раз казалось: перебрал Александр Исаевич со «своебычными» словами и выражениями. Не говорили так, невозможно так говорить. И лишь по прочтении книг, хранившихся в спецхране, стал доникать: это мы говорим невозможным языком. Не добираем — мы, а не Иван Денисович с автором.

А вот и слово «доникать» — от

него. Наберите-ка на компьютере — отметится волнистый красной строей: нет его в памяти машины. Тот, кто за границей из наших, видно, эмигрантов вбивал словарь, этого слова и не знает. Есть какое-то «доникать», есть и другие, а этого живого, многоцветного нет.

Пройдя для перепроверки институтских знаний теперь уже обратный путь: от литературы современной до древнерусской, прочтя всю русскую философию, приславшись к своей родне, сохранившей по сей день впитанное с детства в центральной России, убедился: языки Шухова — это язык России, какой лишь изредка слышал и считал чудаковатым. Своими произведениями Александр Исаевич развернул целые фронты в битве за язык, потому, отчасти, и пряталась его книги в спецхране-спецхране. Был такой. Самые красивые книги держались в потемках внутреннего специального хранилища. На просто запрещенных стоял один штампик, а на совсем запрещенных — два. На всех книгах А.И.Солженицына, попавших в страну, стояло по два тех самых штампа, а точнее, клейма. Книги «врага народа» — «вражьи книги». И язык, значит, «вражьи». Получалось, на самом языке за-

ем на потом исправления, а то и перекладываем их на других. Вот так, второпях, был набит и текст моей «Косиножки». Не вычитанный должным образом, попал к Александре Исаевичу. После разговора о рассказе он предельно серьезно спросил: «Теперь скажите — кто вам печатал? Почему ошибки?» Сквозь землю от стыда провалился. Вякнул что-то в ответ, а писатель посоветовал: «Я же не мог рассказ так в журнал передавать. Неудобно». Крупнейший автор русской литературы сидел и сам исправлял опечатки в стороннем произведении! До сих пор в голове не умещается. На тексте же том прикрепил листочек с пояснениями и по пунктам. Ничего не упустил! И все по делу. Пример?

На всю жизнь. Предельная внимательность Александра Исаевича к своей работе и к работе других, самой жизни, оказывается и на художественности его произведений. Особенность книг писателя в том, что ни одно впечатление, событие не пропадает даром. Запах яблони, красота озера, радостно прыгающая собака на воле без привязи или обычная гроза — все обретает смысл первозданности, неповторимости. Даже поминание обычной травы несет в себе сокровенное —

это. И какично! В Древней Руси существовал такой жанр: слово, когда текст говорился слушателям. Словами, произнесенными с интонацией, рисовали художественные картины, образы, передавали действие. При этом сохранялась живость устной речи. Между рассказчиком и слушателем была прямая связь. Произведения Александра Исаевича тоже сохраняют прелест устной речи, и поэтому так чувствуется сила его слова, как и в древности, обращенного напрямую к слушателям. Он передает слово из уст в уста. Писатель возвращает нам то, что мы прежде имели всегда, — способность говорить и слушать. А значит, и учиться у самих себя.

Именно таким языком, словом разит он все черное в жизни, кое ему хорошо знакомо. Самое страшное — «Архипелаг», высказанный, выкрикнутый им миру, при всех ужасах лагерной жизни просветляется убийственно едкой иронией. Страшное делается ничтожным, сжимается, усыхает. И мы, обдало вниманием сказанному, недоуменно вопрошаем: Мы были такими? Это было с нами? Возможно ли это? А Писатель-Боец ухватывает жернова, стирающие народ в лагерную пыль, и ими же разрушает и разрушает систему ГУЛАГ.

ИЗ УСТ В УСТА

претное клеймо. Так и прятали наш язык от нас самих за стальными дверями с семью замками и электрической сигнализацией. А писатель в это время за две точечки над буквой «ё» бился! Просил программистов и в свой компьютер ее вставить. Букву «я» в «семячках» по сей день отстаивает! Мы же, как оказалось, за пустыми спорами — можем или нет так говорить, писать — проморгали, пропоронили те мысли, что высказывались нашим же языком годы назад и высказываются посейчас. Россию мы не обустроили, но обвалили. Слишком кололи глаза тежевые слова, как и идеи, выстраиванные писателем. Омертвевшее не воспринимает живое. А мы омертвили во многом.

Возвращая нам речь, Александр Исаевич собственным примером показывает и ту высоту качества работы, каковую и нам постигать. Ни одна его книга не увидит свет, пока он сам, с Наталией Дмитриевной и малым числом бескорыстных помощников не вычитает и не выберет «блока» в текстах, прежде чем они уйдут в набор. Редчайшим исключением найдется крохотная опечатка на сотни страниц во всех изданиях. Сколько надо проверять, столько и проверяется. Ответственность за свой труд — выражение предельного уважения к читателям. Во всем. Сноски — чтобы были удобны. Слова — в конце книги с пояснениями. Главы эпopeи — с основными содержательными ориентирами. Внешнее оформление. И не терпит ни от кого небрежного отношения к своему труду. В этом твердость непоколебимая. Выпустить книгу с ограждами для А.И.Солженицына — позор. И горе, горе за потраченный труд многих и многих людей. Кто из писателей решится пустить ныне под нож многотиражное издание своих вещей из-за ошибок печатников? Спасибо, хоть так напечатали. Александр Исаевич пустил. Распорядился уничтожить весь выпуск двучастных рассказов из-за пропущенных запятых, орографических ошибок. Не может обращенное к людям Слово быть ущербным. Кроме того, синтаксис его произведений настолько «говорящий», интонационно оформленный, что пропущенная запятая сбивает ритм повествования, а за ним искается мысль.

Поражает аккуратность и организованность писателя. Мы часто делаем что-то вспыхах, оставляя

Господь под ноги людям постелил. Беспомощный, выпутившийся, мокрый, дрожащий птенец — тайна, при всех космических достижениях человечества. Наш мир, уже бесконечно объясненный и показанный со всех сторон, в книгах писателя открывается вечной загадкой: что есть мы, прилепившиеся песчинками к оси Истории? Что есть сама История? От расширительных этих вопросов А.И.Солженицын не уходит в многомудрые абстракции, но ясно, на простых, конкретных примерах поступков, дел каждого из нас, дает свои ответы, так порой для нас неприятные из-за определенности и честности. Как нам быть? «Наше спасение — только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх». Но мы же не способны пока к этому! «А пока не способны, то вот и правило: Действуй там, где живешь, где работаешь! Терпеливо, трудолюбиво, в пределах, где еще движутся твои руки». Принимать правду открыто, не корчиться заслонительной усмешкой — удел сильных. По плечу не вся кому. Честные отношения требуют мужества. Таковы ли мы? Сам Александр Исаевич для себя определил этот вопрос раз и навсегда. Не соглашав ни в одном своем произведении, предлагая, призывают, уговаривают, советуют, увершают всякого, прикоснувшегося к его книгам, к тому же самому. И помогает. Поддерживает. Протягивает руку.

Способность писателя живо вести разговор через книгу удивительна. Как здесь опять не коснуться языка?! Согласно лингвистическим изысканиям, в языке прослеживается тенденция: как говорим, так и пишем. И наоборот. Это считается опасным, потому что происходит опрощение, обеднение языка. В творчестве А.И.Солженицына все иначе. Язык его произведений очень похож на разговорный — со всеми его междометиями, разрывами, стяжениями фраз и предложений, — но остается насыщенным. И речь персонажей, и авторская играют — так вполне удобно выражаться и в повседневной жизни, и это не будет выглядеть книжно.

При чтении возникает впечатление, что автор в яви говорит с тобой. Текст дышит, как дышит всякое истинное, классическое произведение. Образные слова заменяют целые объяснительные фразы. И кажется, писатель не написал, а записал за кем-то все

Опускает на головы вождям «Письмо» («Письмо вождям Советского Союза»), отбивается «Теленком» («Бодался теленок с дубом») от гонителей и братьев-писателей. И нам, всем нам подносят пышущие гневной болью «Образованием», «Жить не по лжи».

А.И.Солженицын никогда не ждал и не ждет некоего часа, чтобы идти в атаку. Стратег и тактик в боях со Злом, сам себе полководец и сам же солдат, он доказал миру: «И один в поле воин». Хочешь не хочешь, а вспомнишь русские сказки — и сравнишь невольно. Перечитывая все вышедшее, вновь ловлю себя на мысли: ни одна строка не побледнела от времени, ни одно слово не потеряло честности. Больше того, с отставанием, с течением лет, с книгами этими происходит нечто, что иначе как чудесным не назовешь. Я бы сказал, происходит их саморост. Система рухнула, а «Архипелаг ГУЛАГ» все страшнеет. Во веки вечные будут тянуться к нам руки наших убиенных собратьев. Не дадут покоя их измученные души. Матрена давно погибла, но без «Матренинного двора» трудно помыслить нашу «нутряную Россию». И жив ли Иван Денисович? А и он нужен как воздух. Без его умения жить от труда рук своих нам и не подняться. Ждет совесть за безвинного Тверитинова со станции Кочетовка. И совсем уж необычно, до горько-смешного, «Образованием» тех лет и вся публицистика целокупно еще более интересны и актуальны в дни сейчас. Для нас-то, поимевших уж теперь опыт всех экономических систем, хлебнувших всякого, только быть может, и подходит время поразмыслить над написанным. А писатель совершил уже новый труд, написал и выпустил не менее жгучее и тяжкое: «Россия в обвале», в продолжение «Русского вопроса» к концу XX века.

Интересность, легкость произведений Александра Исаевича строится на всем спектре человеческих эмоций, чувств, качеств. Его герой по-монашески суровы, упорными воинами стоят в опасности, умелые трудяги, просверкивают юродством. Полнее всего, пожалуй, это вбирали крестьяне, мужики: Иван Денисович Шухов и Арсений Благодарев («Один день Ивана Денисовича» и «Красное колесо»). А то вдруг все перекрываются извинительными нотками за неловкий укор, как в случае с гибелю той же Матрены. Писа-

тель, ведя своих персонажей, как бы присутствует в них сам, передает им свой выстраданный фронтовой, лагерный опыт, получает, как быть в обстоятельствах жизни. Переименует и у них. И никогда не найдем — отчаяния. Впрочем, было однажды — арест архива. Но и признался же в этом в «Теленке» и навсегда одолел греховную мысль ненужности своей жизни. Близость через исповедальность в простых словах настолько пронизывает, пронимает, что, забываясь, уже сам начинешь подбадривать его героев, а то и самого писателя. Так и идешь с ним по всем страницам произведений, а кажется, и всей его жизни.

На счет жизни можно употребить и без «кажется». Тому дают основания и «Бодался теленок с дубом», и выходящее сейчас продолжение в «Новом мире» — «Угодило зернышко промеж двух жерновов». В них А.И.Солженицын весь на виду. Такой же и в жизни. Его непротивостояние в быту обескураживает многих и многих. Иностранным, провожавшим его в рабочую столовую (когда выгнали из страны), было и не понять отказа отбывать в ресторане. Это понять можем, наверное, только мы, приближенные к столовым с запахом больничных щей. И боль писателя об умерших от голода в лагерях, в коллективизацию, в войну. Да к еде, как эстетско-плотскому выражению состояния тела, у него и почтения-то никогда не было. Квашеная капуста, картошка, каша. Главное, чем всегда жил и живет он, — своим состоянием Духа.

По прочтении книг писателя очень зажгло мне обсмотреть его вблизи, уяснить его целиком. Сравнить понятое с увиденным вблизи. И не ошибся в своих представлениях, полученных через книги. Прямая спина, развернутые — так, наверное, держались офицеры русской армии — плечи. А на лице — ни тени возраста! Живость глаз, жестов, эмоциональное говорение — все молодо. Мы тела крепим, а он Духом высохнет. Еще раз смотрю на книги, прибавляю к ним издаваемые фондом мемуары, переписку, телефонные звонки, встречи, забо́ты о семье, и в голове не умещается объем работы писателя. А сколько дней потерянно на конспирацию, переезды да вычеркнуты годы лагерей. Временем, что ли, управляет? Похоже, так.

Течение времени, то стремительно, то тягуче вязкое, выступает почти самостоятельным художественным образом в крупнейшей военно-исторической эпопее «Красное колесо». Горячее бурление в революционном Петрограде: без следа сгорают мгновения, время кончается как зрячее материальное вещество. И медленный его ход в царском вагоне. Здесь оно пока плотное, структурированное. Единый, обволакивающий, устойчивый поток. В сценах о любви оно невесомое, незаметное. Время в любви блаженно. Ток времени в эпопее отзыается на любое событие: искривляется по линии колонны демонстрантов с красными флагами, рассыпается, раскатывается по пустынным площадям. И вездесущее оно — дорого. И вездесущее оно — последнее. Оно еще дает срок народу. Императору, войскам спасти от грядущего Безвременя. Но мало кто тогда это понимал. Не много понимаем и мы, хотя и издали себе в урок «Красное колесо». В эпопее Время расстреляли, проговорили, размазали, изрубили шашками. И не стало его. Не найдем мы его и в «Архипелаге ГУЛАГ», там его просто нет. Там — срока.

А.И.Солженицын нынешней силой собрал, сколько мог, по России, по миру наше растреченные, спрессовал его в тома книг и вернул нам в Слове.

Дай Бог ума распорядиться нам бережно его творениями и дай здоровья ему и всем его близким. А Дух его и так крепок, в пример всем живущим.

Павел ЛАВРЕНОВ.